

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.П. Васильев, канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Н.Г. Деханова, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия**

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Vasiliev Vladimir Petrovich, candidate of economy sciences, associate professor, head of Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

Dehanova Natalya Gennadyevna, candidate of sociology sciences, associate professor Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian, e-mail: ndehanova@mail.ru

FACTORS OF FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

В статье раскрываются факторы неравенства в сфере высшего образования. Определены негативные факторы, сдерживающие формирование человеческого капитала в сфере образования. Определена роль домохозяйств и бизнеса в сглаживании неравенства в этой сфере. Дан анализ универсальных моделей финансовой доступности высшего образования в развитых странах. Особое внимание уделено генезису высшего образования в России, формированию факторов неравенства и новых мотиваций по мере реформирования высшего образования. Выявлено противоречие между ориентацией высшего образования на практику в условиях рынка и деформацией занятости на рынке труда. Одним из направлений снижения неравенства в сфере высшего образования и преодоления деформированных импульсов рынка труда является частно-государственное партнерство, участие бизнеса в финансировании современного качественного образования.

Ключевые слова: неравенство, модели доступности образования, рынок труда, приватизация вузов, доходы населения, частно-государственное партнерство.

Current article is dedicated to factors of inequality in the sphere of higher education. The authors identified negative factors constraining the formation of human capital in the field of education; the role of households and businesses to reduce inequalities in this sphere. The article analyzes the universal models

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: gos.ypravlenie@mail.ru

** Деханова Наталья Геннадьевна, e-mail: ndehanova@mail.ru

of financial accessibility of higher education in developed countries. Particular attention is paid to the genesis of higher education in Russia, the formation of inequality and new motivation in the conditions of reforming higher education. It revealed a contradiction between the orientation of higher education to practice in market conditions and the deformation of employment in the labor market. Public-private partnerships, business involvement in the financing of modern quality education is one of the ways to reduce inequalities in the field of higher education and to overcome the impact of the labor market strain.

Key worlds: *inequality, models of access to education, the labor market, privatization of universities, incomes, public-private partnership.*

Проблема неравенства доступности высшего профессионального образования для различных групп населения в условиях перехода ряда стран, включая Россию, к постиндустриальному этапу развития является крайне актуальной. При реформировании высшего образования в долгосрочной перспективе возникают вопросы доступности образования, его реализации в качестве социального лифта, мобильности населения, формирования человеческого капитала общества.

“Институт образования — это система социальных норм и отношений, а также совокупность организаций и учреждений, связанных между собой общими — образовательными функциями. Основной (традиционной) функцией института образования является передача новым поколениям социально-значимого опыта человеческой деятельности, воплощенной в знаниях, умениях, творческой деятельности, и эмоционально-ценностного отношения к миру”¹. Несомненна значительная роль образования в воспроизводстве социальной структуры общества. Система высшего образования, как известно, может закреплять социальное неравенство, не являясь своеобразным социальным лифтом для социальных групп с целью продвижения по социальной лестнице (например, создавая препятствия представителям низко статусных социальных групп для поступления в вузы вообще или в элитные вузы в частности, и содействовать, таким образом, усилению социального напряжения в обществе). И наоборот, эта система может служить каналом восходящей социальной мобильности. Кроме того, долгосрочная “стратегия России, связанная с позиционированием в элите мировых держав, предопределяет вложения и бизнеса и государства в человеческий капитал и инновации, прежде всего, технологиче-

¹ Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 64.

ские”². Однако особенность человеческого капитала заключается в том, что для того, чтобы он эффективно “работал” на рынке труда или в сфере общественного признания, т.е. мог быть успешно конвертирован в экономический и другие виды капитала, он должен постоянно преумножаться: человек должен непрерывно учиться и самосовершенствоваться, вкладывая в накопление человеческого капитала свое время, материальные средства и интеллектуальные усилия. Между тем, такими возможностями располагают далеко не все. И в этом отношении социальное неравенство проявляет себя самым очевидным образом. Так, по данным исследований, проведенных Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг., неравенство в доступе к получению образования считают крайне болезненным обществом почти треть респондентов. При этом все более значимым фактором, особенно в условиях кризиса, становится неравенство возможностей получить работу, обеспечивающую достойный уровень жизни (32% россиян считают такой вид неравенства болезненным для общества)³.

Специалист, обладающий естественными и приобретенными способностями, которые в совокупности понимаются как человеческий капитал, приносит в результате его использования доход не только для себя, но и для организации, и в конечном итоге всему государству в виде прироста ВВП, повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке. Это означает, что потребителем услуги выступает не только данный обучающийся (студент), но и его потенциальные работодатели в лице частных и публичных структур. При этом студент выступает в роли явного, непосредственного потребителя образовательной услуги. Однако ее конечным латентным потребителем является работодатель специалиста, выпущенного учреждением высшего профессионального образования. Соответственно, встает вопрос, кто из них должен оплачивать (и оплачивает) обучение специалиста. Логично предположить, что потребитель образовательной услуги. Причем как непосредственный, явный, так и конечный, латентный. К примеру, платность для явного непосредственного потребителя профессиональных образовательных услуг (студента, учащегося) может осуществляться в явном виде — студентом или его семьей. Латентно — в форме обязательной отработки определенного времени после окончания вуза на предприятии или в организации (так называемый целевой набор). Для работо-

² *Васильев В.П.* Мировой экономический кризис: причины и пути выхода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 35.

³ *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7.

дателя, как конечного потребителя, — также в явной и латентной форме.

Причем платность для предприятий и организаций, как конечных потребителей профессиональных образовательных услуг, персонифицированных в лице соответствующих специалистов, вне зависимости от принадлежности к публичной или частной собственности может осуществляться по двум основным направлениям. Непосредственно путем покрытия затрат на содержание образовательных учреждений за счет бюджетных ассигнований государства в случае их принадлежности государству или за счет бизнес-структур в случае корпоративных университетов или содержания целевиков-контрактников вне их, наконец, добровольных пожертвований. Но главным образом, как это ни покажется парадоксальным, в перспективе в виде достаточно высокой оплаты труда высококвалифицированных специалистов — носителей человеческого капитала, с лихвой компенсирующей затраты семьи на их подготовку, с одной стороны, а с другой — обеспечивающей финансовые возможности для профессионального образования последующего поколения, т.е. расширенного воспроизводства семейного человеческого капитала. Таким образом, в данном контексте и в первом, и во втором случае затраты учреждений высшего профессионального образования компенсирует конечный потребитель — работодатель⁴.

Отсюда и наличие в развитых странах мирового сообщества двух основных моделей предоставления доступных в финансовом отношении для большинства населения профессиональных образовательных услуг — на платной или бесплатной для непосредственного потребителя основе. Первая модель во второй половине минувшего столетия превалировала, прежде всего, в США, вторая — в странах Западной Европы, в частности в Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании и др.

Материальной основой финансовой доступности высшего профессионального образования при платной модели его получения является сравнительно высокий уровень денежных доходов домохозяйств в целом и средней заработной платы, в частности, достаточных для относительно безболезненного для семейных бюджетов финансирования затрат на получение высшего профессионального образования их (семей) членов. Как отмечается в отечественных источниках, американские колледжи и университеты устанавливают цены, исходя из возможностей граждан своей далеко не бедной страны. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что

⁴Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Доступность профессионального образования в контексте трипартизма // Социальная политика и социальное партнерство. 2015. № 5–6. С. 20–21.

в США имеет место развитый институт государственных и частных фондов грантовой поддержки, за счет которых стоимость обучения может быть существенно снижена. Одним из факторов доступности высшего образования выступает институт банковских образовательных кредитов по довольно умеренным ставкам.

Западноевропейская модель государственного финансирования высшего профессионального образования складывалась в послевоенные годы, когда средний уровень заработной платы был значительно ниже американского. На рубеже столетий по мере их сближения в отдельных странах были сделаны шаги по постепенной трансформации в сторону платности для домохозяйств как непосредственных потребителей профессиональных образовательных услуг. В 1997 г. согласно Трудовому договору Британия стала первой в Европе страной, сделавшей оплату высшего образования официальной политикой правительства. Стоимость высшего образования в британских университетах стала сопоставимой с ценами за обучение в университетах США.

В Германии право предоставлять образование на платной основе университеты получили в 2005 г., при этом стоимость обучения должна была быть “умеренной”, а у студентов должна была быть возможность “брать небольшие кредиты”. В 2006 и 2007 гг. 7 из 10 западных земель Германии ввели платное образование. Однако студенческие кредиты не прижились, а правительство Германии осознало, что гораздо выгоднее для страны будет сделать высшее образование бесплатным. Этому решению поспособствовали протесты граждан, например, в земле Гессен студенты массово вышли на улицы, а жители собрали 70 000 подписей за отмену оплаты за обучение. В результате с осени 2014 г. обучение во всех университетах Германии снова стало бесплатным⁵. В некоторых странах Европы, например в Швеции, Норвегии и Дании, образование является бесплатным, а остальные страны спешат последовать их примеру. Таким образом, в настоящее время в европейских государствах все более популярной становится идея, что гораздо логичнее считать финансирование высшего образования вложением в будущее страны. Явным исключением из правила является Великобритания: стоимость высшего образования в британских университетах, как мы говорили выше, сопоставима с ценами за обучение в университетах США. В целом, как показывает мировой опыт, из 60–70% доли социальных расходов в консолидированных бюджетах примерно 25–30% направляются на развитие человеческого капитала⁶.

⁵ <http://www.zmescience.com/other/germany-education-fees-01102014/> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶ *Васильев В.П.* Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 137.

Какая из рассматриваемых моделей приемлема для современной России?

Более 20 лет система высшего образования в России не является стабильной. Постоянно происходят институциональные изменения или их попытки со стороны властей. При этом главный вопрос этой сферы человеческих отношений — качество образования — остается на периферии реформ и, как правило, оценивается через место того или иного университета в международных рейтингах. Более того занятие высоких мест в этих рейтингах стало государственной задачей.

В 1990-е гг. систему высшего образования пытались реформировать, основываясь на новых для России принципах рыночной экономики и рецептах трансформации, общих для всех сфер деятельности: уход государства от регулирования и финансирования экономики и социальной сферы. Первой целью реформ высшего образования стала приватизация государственных университетов и вузов. Для высшего образования это означало не только переход управления с уровня государства к частным собственникам, но и переход к платному образованию со всеми негативными последствиями для населения с низкими и невысокими доходами, которое составляло большинство общества

Приватизация не удалась, однако ее мотивы продолжают действовать, так как до сих пор властные структуры проводят реформы, целью которых является сокращение под разными обоснованиями профессорско-преподавательского состава и гарантированных государством фондов оплаты труда.

На принципах рыночной экономики базировалось открытие плеяды частных вузов, с момента основания получивших статус университетов. Их открытие опиралось на теоретическую установку о конкуренции как основного феномена рыночной экономики. Отметим, что конкуренция, выступающая двигателем рыночной экономики, в сфере высшего образования сформировалась весьма своеобразная. За плату желающие получить диплом об образовании получали весьма льготные условия поступления и шадящего обучения. Никакой конкуренции не возникло в подготовке кадров практически всей гаммы естественно-научных направлений подготовки. Ориентируясь на спрос как атрибут рынка, частные вузы включились в подготовку юристов, менеджеров и экономистов, не имея, как правило, высококвалифицированных кадров (в 2014 г. по данным Росстата более 50% выпускников частных вузов получили дипломы экономистов или менеджеров). Между тем, факторами, определяющими качество высшего образования, помимо качества школьной подготовки, являются качество учебников и

качество высокооплачиваемого профессорско-преподавательского состава (ППС). Но, например, если сравнить зарплату ППС в динамике за последние тридцать лет, то картина будет неутешительной.

В начале 2000-х гг. по данным Росстата менее 25% студентов получали стипендию и около 45% — обучались на платной основе, возмещая стоимость обучения. Несомненно, такая трансформация высшего образования обострила проблемы неравенства и вызвала новые мотивации выбора направления подготовки: во многих случаях приоритетом стал не выбор будущей профессии, а “попадание” на бюджетное место. Немаловажными факторами в выборе высшего учебного заведения и направления подготовки играют и “падающие” условия обучения и аттестации, в том числе для того, чтобы учебу можно было совмещать с постоянной “подработкой”.

Дополнительную “мотивацию” неравенству и деформациям в области высшего образования дают тренды экономического развития России.

В данный период достигнутый уровень производительности труда в Российской Федерации в два раза ниже, чем в странах ОЭСР в целом и в три раза ниже, чем в наиболее развитых в экономическом отношении стран Западной Европы и США⁷. Соответствующим образом средний американец, немец, француз или гражданин Великобритании зарабатывал как минимум в три-четыре раза больше, чем средний россиянин даже в сравнительно благополучные для России десятилетия текущего столетия, не говоря уже о современном периоде низких мировых цен на нефть и экономических санкций Запада. Доведение уровня денежных доходов большинства населения страны до соответствующих показателей развитых в экономическом отношении стран в обозримой перспективе вряд ли возможно. Основными сдерживающими факторами являются, во-первых, низкий уровень производительности труда и, во-вторых, сырьевая ориентация структуры национальной экономики и экспорта, подверженная непредсказуемым рискам конъюнктуры мирового рынка и неблагоприятным тенденциям снижения мировых цен на сырье, а значит, и рискам стабильности денежных доходов населения. В сложившейся ситуации рост денежных доходов может носить лишь временный, эпизодический характер в моменты улучшения мировой рыночной конъюнктуры и последующего роста мировых цен на сырье. Поэтому единственным направлением стабильного роста денежных доходов населения может быть рост производительности общественного труда, который в решающей мере обусловлен качеством задействованных вещественных и лич-

⁷ http://mosmonitor.ru/articles/economy/proizvoditelnost_truda_v_ssha_pochti_v_tri_raza_vyishe_chem_v_rossii (дата обращения: 20.01.2017).

ных факторов хозяйственной деятельности. Качество первых находится в прямой зависимости от применяемых техники и технологий, а вторых — от уровня профессионализма (компетентности), который изначально задается качеством профессиональной подготовки и способностью их носителя (индивидуума) к восприятию знаний и навыков.

Это требование может быть обеспечено, прежде всего, за счет конкуренции умов (способностей), а не финансовых возможностей абитуриентов (будущих специалистов). Поэтому решающим фактором роста производительности общественного труда является именно эта конкуренция, в конечном итоге создающая предпосылки для роста заработной платы наемного труда. Исходя из этого в современной России объективно предпочтительна вторая, т.е. западноевропейская модель оплаты услуг (затрат) образовательной сферы, адаптированная к специфике современного состояния национальной экономики. Ее конечная цель — достижение высокого качества национального совокупного трудового потенциала, способного обеспечить экономический рост на базе роста производительности общественного труда.

Таким образом, объективно обусловленными целями государственно-частного партнерства в образовательной сфере Российской Федерации должны являться, с одной стороны, обеспечение спроса национальной экономики в целом и бизнеса, в частности, на специалистов высокого качества, воспроизводство человеческого капитала в целях обеспечения согласованного и сбалансированного развития рынка труда и рынка образовательных услуг, а с другой — реализация конституционных прав граждан страны в сфере образования, т.е. его финансовой доступности для каждого из них путем объединения ресурсного потенциала государства, бизнеса и домохозяйств для достижения этих целей. Все это вместе взятое логически предполагает необходимость использования качественно новых форм и методов государственно-частного партнерства всей триады основных хозяйствующих субъектов рыночной экономики, т.е. не только государства и бизнеса, но и домохозяйств. Государственно-частное партнерство в данном случае предполагает партнерское взаимодействие государства как гаранта доступности высшего профессионального образования, образовательных учреждений вне зависимости от их организационно-правовой формы и формы собственности, в рамках которых они осуществляют свою деятельность, конечного потребителя — работодателя, наконец, домохозяйств в лице студента как непосредственного, явного покупателя образовательной услуги.

Современный этап реформирования высшего образования, основанный на реализации принципов болонского процесса, арти-

кулирует проблему соответствия подготовки кадров современному рынку труда. В этой области обозначились существенные риски, связанные с деформациями российского рынка труда. В минувшие три года в структуре занятости произошло неприятное для экономики знаковое событие — на первое место в структуре занятости вышла торговля, значительно снизилась занятость населения в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве.

Инвестиционный кризис, наряду с низкой оплатой труда привели к серьезной структурной деформации рынка труда в России. Статистические данные показывают⁸, что с 2010 г. доля занятого в торговле населения обогнала другие отрасли экономики, превысив соответствующий параметр в обрабатывающей промышленности. Одновременно произошло значительное снижение занятости в сфере сельскохозяйственного производства. Мотивация и сокращение рабочих мест и их хроническое отсутствие в ряде локальных рынков труда привели к значительной концентрации рабочей силы в сфере торговли и финансового посредничества. “В целом динамика структуры занятости отражает неблагоприятные тенденции в российской экономике: отсутствие движения в направлении модернизации и недостаточный рост эффективности производства”⁹.

Такая деформация ведет к замедлению темпов и потенциальных возможностей экономического роста собственно производства, увеличивая добавленную стоимость в сфере перераспределительных процессов. Обозначившийся устойчивый тренд сокращения занятости в промышленности и сельском хозяйстве ставит под сомнение формирование высоких темпов роста ВВП и реализацию принципа импортозамещения.

Опыт зарубежных стран, их переход к постиндустриальной стадии развития происходили с ростом сферы услуг, включая и торговлю, и финансовые услуги. Занятость в реальном секторе экономики сокращалась. Ориентируясь на рынки труда с более дешевой рабочей силой, инвестиции и соответственно производства переносились в другие страны. Однако это происходило на материальной основе инновационного производства, значительно повысившего выпуск в реальном секторе и оптимально насыщавшего внутренний спрос.

Российский рынок труда на внутренних основаниях вряд ли элиминирует названную негативную тенденцию. Своеобразие рос-

⁸ Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

⁹ Стратегия—2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1 / Под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М., 2013. С. 251.

сийского крупного бизнеса, ориентированного на нефтегазовые доходы и прибыли от финансовых вложений, и малого бизнеса, более половины которого представляют собой сферы оптовой и розничной торговли, требуют изменений в государственном регулировании инвестиционной деятельности и серьезных преференций для форсирования инновационных процессов, прежде всего всей гаммы стимулирования технологических и продуктовых инноваций.

Торгово-финансовый крен российского рынка труда порождает новые риски российского высшего образования. Одним из основных и верных направлений осуществляемой реформы высшего образования является участие работодателей во многих стадиях учебного процесса, ориентация выпускников на подготовку к работе в условиях модернизации, получение соответствующих современных компетенций. На эти цели ориентирован профессорско-преподавательский состав. Однако спрос на высококвалифицированные кадры, формируемый рынком труда, не дает сигналов для роста подготовки специалистов в области высоких технологий или наукоемких производств. Сформировавшийся рынок труда не выступает импульсом формирования нового кадрового потенциала, значительна доля выпускников университетов, работающих не по избранной специальности.

Несомненный интерес в данной связи представляют результаты исследования, проведенного Е. Авраамовой и Т. Малевой в ряде регионов Российской Федерации¹⁰ и посвященного социальным ресурсам населения в условиях нестабильности. Авторы исходят из того, что в связи с потерей стабильности социально-экономического развития страны на первый план выходит поиск решений, способствующих сохранению уровня благосостояния российских домохозяйств. И эти решения предполагают использование не только разнообразных инструментов монетарной поддержки. Наиболее эффективные ресурсы связаны с актуализацией собственных ресурсов домохозяйств, которые могут выступать и в качестве запаса прочности, и как источник социального развития. В качестве данных ресурсов исследователями были выделены не экономические ресурсы (уровень благосостояния), а ресурсный потенциал в широком понимании — тип поселения, демографический состав домохозяйств, потенциал здоровья, образовательный потенциал, потенциал занятости. Все эти факторы могут иметь как положительные, так и отрицательные значения. Исследователи делают крайне важный, на наш взгляд, вывод о том, что текущая социальная политика, направленная на сокращение бедности (ставшая зоной ответствен-

¹⁰ Аврамова Е., Малева Т. Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Экономика и общество. 2015. № 11. С. 86–99.

ности региональных и муниципальных властей), концентрируется преимущественно на монетарных методах поддержки бедного населения. В кризисы приоритетом должны быть не только и не столько поддержка социально уязвимых групп населения, сколько увеличение их ресурсного потенциала (например, уровня образования, состояние здоровья). Изменение вектора любого ресурса с негативного на позитивный, как было доказано в исследовании, даже в наиболее неблагополучной группе домохозяйств, приводит к росту шансов не стать бедными или не попасть в трудную жизненную ситуацию. К сожалению, тенденция последних лет такова, что происходит последовательное постоянное сокращение государственных расходов на образование и медицину. Однако экономя сегодня на образовании и здоровье, государство в полной мере не осознает, что создает барьер на пути роста благосостояния населения или, что еще опаснее, провоцирует снижение его уровня. В конечном счете, государству придется в той или иной форме решать данные проблемы, но как показывает опыт, это окажется дороже и затратнее, чем превентивные меры¹¹. Таким образом, процессы формирования человеческого капитала не должны происходить стихийно. В данном контексте роль государства представляется ведущей, так как оно должно минимизировать влияние социально-экономической дифференциации на вхождение в систему высшего образования и на сам процесс обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврамова Е., Малева Т. Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Экономика и общество. 2015. № 11.

Васильев В.П. Мировой экономический кризис: причины и пути выхода // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 3.

Васильев В.П. Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Горланов Г.В., Деханова Н.Г. Доступность профессионального образования в контексте трипартизма // Социальная политика и социальное партнерство. 2015. № 5–6.

Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7.

Зырянов В.В., Носкова А.В., Осипова Н.Г., Титова М.А. Национальная система образования в России: проблемы и перспективы в контексте реформирования и глобализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2013.

¹¹ Аврамова Е., Малева Т. Указ. соч. С. 99.

Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

Стратегия—2020: новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / Под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. М., 2013.

REFERENCES

Avraamova E., Maleva T. Social'nye resursy naselenija v uslovijah poteri jekonomicheskoy stabil'nosti [Social resources of the population in the conditions of loss of economic stability] // *Jekonomika i obshhestvo* [Economy and society]. 2015. N 11.

Gorlanov G.V., Dehanova N.G. Formirovanie konstruktivnoj filosofii rossijskogo biznesa: problemy i perspektivy [Formation of the constructive philosophy of Russian business: problems and prospects] // *Sociologija vlasti* [Sociology of power]. 2003. N 6.

Gorlanov G.V., Dehanova N.G. Dostupnost' professional'nogo obrazovanija v kontekste tripartizma [Accessibility of professional education in the context of tripartism] // *Social'naja politika i social'noe partnjorstvo* [Social policy and social partnership]. 2015. N 5—6.

Gorshkov M.K. Obshhestvennye neravenstva kak ob'ekt sociologicheskogo analiza [Public inequalities as an object of sociological analysis] // *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2014. N 7.

<http://www.zmescience.com/other/germany-education-fees-01102014/> (data obrashcheniya: 12.01.2017).

http://mosmonitor.ru/articles/economy/proizvoditelnost_truda_v_ssha_pochti_v_tri_raza_vyishe_chem_v_rossii (data obrashcheniya: 20.01.2017).

Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Forecast of longterm social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030]. М., 2013.

Российский статистический ежегодник 2015. М., 2016.

Стратегия-2020: Novaja model' rosta — novaja social'naja politika. Itogovyj doklad o rezul'tatah jekspertnoj raboty po aktual'nym problemam social'no-jekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda. Кн. 1 [Strategy 2020: a new growth model — a new social policy. Final report on the results of expert work on topical problems of Russia's social and economic strategy for the period until 2020. Book. 1] / Pod nauchn. red. V.A. Mau, Ja.I. Kuz'minova [Ed. by V.A. Mau, Ya.I. Kuzminova]. М., 2013.

Vasil'ev V.P. Mirovoj jekonomicheskij krizis: prichiny i puti vyhoda [The World Economic Crisis: Causes and Ways of Exit] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2009. N 3.

Vasil'ev V.P. Celevyje orientiry social'noj politiki [Target guidelines of social policy] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2.

Zyrjanov V.V., Noskova A.V., Osipova N.G., Titova M.A. Nacional'naja sistema obrazovanija v Rossii: problemy i perspektivy v kontekste reformirovanija i globalizacii [National Education System in Russia: Problems and Prospects in the Context of Reform and Globalization] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 3.